

заль цѣлительное вліяніе на Толстого, пробудилъ его творческія силы. Пребываніе на Кавказѣ богато многими эпизодами. Тутъ и боевыя схватки и увлеченіе казачкой и преклоненіе передъ сѣрымъ героизмомъ скромнаго солдата—простолюдина, которое содѣйствовало измѣненію взглядовъ Толстого на простой народъ; тутъ и тщеславныя, но не оправдавшіяся мечты объ орденѣ Георгія. Тутъ въ 1852-мъ году, желая заработать деньги, Толстой пишетъ „Дѣтство и отрочество“ и 9-го іюня 1852 г. триумфально вступаетъ на путь непрерывныхъ литературныхъ успѣховъ. Первая повѣсть была встрѣчена общими восторгами и единодушнымъ признаніемъ дарованія со стороны всего литературнаго міра. Представители четырехъ эстетическихъ школъ—Григорьевъ, Чернышевскій, Дружининъ, Анненковъ горячо привѣтствовали молодое дарованіе. Некрасовъ предсказалъ молодому автору его литературную будущность. Уже тогда подмѣчена была и основная особенность художественнаго реализма Толстого, которую кое-кто изъ современныхъ критиковъ принимаютъ за открытую ими Америку. Уже въ „Отечественныхъ запискахъ“ за 1854 годъ отмѣчено, что отличительная особенность творчества Толстого, способность видѣть жизнь глазами его героя,—въ данномъ случаѣ ребенка, и сквозь призму его психологій рисовать и весь окружающій міръ, заставляя и читателя проникаться тѣмъ-же отношеніемъ къ жизни и, въ тоже время, оставаясь строгимъ реалистомъ въ отношеніи мельчайшихъ деталей жизни.

Въ 1853 г. Толстой переѣзжаетъ на театръ военныхъ дѣйствій противъ турокъ, принимаетъ участіе въ осадѣ Силистріи въ битвѣ подъ Балаклавой и въ защитѣ Севастополя, оставаясь на знаменитомъ 4-мъ бастионѣ до августа 1855-го года. Толстой работалъ, какъ рядовой офицеръ, онъ отказался отъ выгодъ службы при генеральномъ штабѣ, онъ испыталъ на себѣ всѣ ужасы войны и потому говорилъ о ней въ послѣдствіи съ полнымъ знаніемъ дѣла.

Трудно теперь передать то огромное впечатлѣніе, которое произвели на общество „Севастопольскіе рассказы“. О немъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, Кропоткинъ, который былъ тогда 13 лѣтнимъ пажомъ. Передъ нами картины скромнаго величія гибнущихъ на бастионахъ героевъ, и рядомъ ярмарка тщеславія, не покидающаго человѣка даже передъ лицомъ смерти, которая всѣхъ равняетъ. Психологія войны постигнута Толстымъ изумительно; глубоко уразумѣлъ Толстой и духъ русскаго солдата. Глубокой честностью и правдивостью разказа вѣетъ отъ этихъ страницъ, посвященныхъ картинамъ севастопольской обороны. Что то таинственное и прекрасное учуялъ Толстой въ этой жизни, полной самоотреченія, безъ семьи, безъ личнаго счастья подъ вѣчнымъ дозоромъ ненасытной смерти. Но красота подвига не закрываетъ отъ Толстого ужасной сущности кровавой трагедіи, и онъ спрашиваетъ себя, „неужели мы хрістіане, неужели